

За последние годы Институтом этнографии АН СССР выпущен целый ряд монографий, посвященных быту и культуре разных народов Советского Союза, в частности народов Сибири и Дальнего Востока¹.

Рецензируемая книга, посвященная корякам, пополняет эту серию и знакомит не только специалистов, но и широкий круг читателей с жизнью еще одного народа нашей родины, его прошлым и настоящим.

Монография В. В. Антроповой состоит из введения и двух частей: первая из них (3 главы) посвящена традиционной культуре и быту коряков в дореволюционный период (конец XIX—начало XX в.), а вторая (5 глав)—преобразованию их хозяйства и быта за годы Советской власти.

Во введении приведены данные о расселении, численности, языке, названии и самоназвании локальных групп коряков, а также материалы по истории изучения народа.

В результате критического использования литературы и личных наблюдений В. В. Антроповой, побывавшей у коряков в 1960, 1961 и 1964 гг., удалось написать интересную, оригинальную работу.

В первой главе первой части рассмотрены основные виды хозяйственной деятельности коряков в прошлом. Оседлые коряки занимались промыслом морского зверя, охотой, рыболовством, в то время как кочевые коряки (чапчуены и частично алюторцы)—оленоводством, но у них оно сочеталось с пушным промыслом. Корякское оленеводство (как и чукотское) относилось к особому типу тундрного оленеводства, отличавшегося крайней примитивностью и слабой прирученностью оленя. В речном (прибрежном) рыболовстве объектом лова были главным образом лососевые. Автор рассматривает различные способы ловли рыбы, описывает орудия лова, отмечает локальную специфику в промысле у разных групп. Раздел, посвященный морскому зверобойному промыслу, содержит сведения об объектах промысла, орудиях боя и приемах добычи зверя, средствах передвижения (кайки, байдары). Приводятся материалы по охоте на пушного зверя и охоте на зверей и птиц для добычи мяса. В заключение мы находим краткие сведения по собаководству, основам сельского хозяйства, а также домашним промыслам.

Вторая глава, иллюстрированная многими рисунками и таблицами, посвящена традиционной материальной культуре коряков. Особо рассматриваются типы жилищ, одежда, утварь и пища различных групп коряков. У коряков-оленоводов жилищем являлась яранга, представлявшая собой каркас из жердей, крытый оленьими шкурами, дымовое отверстие находилось в центре крыши, под ним располагался очаг. У оседлых коряков преобладало жилище в виде полужемлянки со стенами из плах, венчающееся растробом в виде воронки, который служил и дымоходом, и входом в жилище. Однако бытовала и так называемая землянка якутского типа: постройка с двускатной или плоской крышей. Наконец, у коряков, соприкасавшихся с русскими, жилищем служила бревенчатая изба. Рассмотрены различные типы корякских селений и установлена связь этих типов с особенностями хозяйственной деятельности и своеобразия экологических условий.

Немало страниц в работе отведено описанию одежды, материалов, из которых она изготовлялась, обуви и головным уборам, а также ритуальной одежде и специфике одежды различных локальных групп.

Заключают главу материалы о средствах передвижения у коряков. Зимой они ездили на оленьих нартах, лыжах, по льду рек передвигались с помощью специальных приспособлений. Весной, летом и осенью (до установления санного пути) коряки-оленоводы передвигались только пешком, а оседлые — в долбленых и кожаных лодках по рекам.

В целом следует отметить, что описание материальной культуры сделано достаточно умело, и у читателей создается наглядное представление об ее своеобразии.

В главе третьей рассматриваются черты общественного устройства раздельно оленных (кочевых) коряков и коряков оседлых. Для оленных коряков характерным общественным и производственным объединением были стойбища, состоявшие из нескольких яранг, причем наиболее типичной была такая структура, когда вокруг яранги состоятельного владельца группировалось несколько яранг малооленных хозяев. При этом в большинстве случаев хозяева всех яранг были связаны между собой узами родства или свойства. Обычно глава большой яранги распоряжался и руководил всей хозяйственной жизнью стойбища.

Несколько стойбищ объединялись в группы, владевшие общей пастбищной территорией; члены такой группы считали себя происходящими от общего родоначальника. Во главе группы стоял старейшина, осуществлявший эту функцию пожизненно. У оленных коряков различались две формы собственности: коллективная, общинная на пастбища и частная на оленьи стада. В целом хозяйство носило патриархально-натуральный характер.

¹ См. Ч. М. Таксами, Нивхи, Л., 1967; Л. В. Смоляк, Ульчи, М., 1966; Г. М. Василевич, Эвенки, Л., 1969; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966; Е. А. Алексеев, Кеты, Л., 1967; К. В. Вяткина, Очерки культуры и быта бурят, Л., 1969; Л. П. Потапов, Очерки народного быта тувинцев, М., 1969; Л. М. Сабурова, Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967, и др.

Оседлые коряки в большой степени сохранили черты первобытного коллективизма, что объяснялось низким уровнем материального производства, изолированностью, слабым контактом с представителями других народов, в частности с русскими. Коллективизм этот проявлялся как в труде, так и в распределении добычи. У морских звероловов существовали байдарные объединения, поскольку все производственные процессы требовали коллективных усилий. У некоторых групп оседлых коряков существовала также, по-видимому, общинная собственность на охотничьи угодья отдельных селений. Кроме того, оседлые коряки знали и так называемые юртовые объединения: несколько отдельных семей поселялись на зиму в одном жилище. Носили ли все эти объединения характер родственных или были построены на каком-либо другом (общинном, территориальном) принципе? Автор приводит некоторые доказательства того, что здесь мы имеем дело с родственным принципом. Нередко ядро байдарного объединения, так же как и юртового, составляли большие семьи.

Нам представляется, что объединения, как стойбищные у кочевых коряков, так и байдарные и юртовые у коряков оседлых, следует рассматривать как коллектив кровнородственных семей, выделившихся из больших патриархальных общин. О том, что большие патриархальные семьи у коряков в конце XIX — начале XX в. уже находились в стадии разложения, пишет и сама В. В. Антропова, ссылаясь на В. И. Иохельсона. К сожалению, в работе мы не находим более или менее точных данных о размерах больших семей, которые еще продолжали существовать, говорится лишь о структуре таких семей. У читателя складывается впечатление, что коряки, вероятно, переживали стадию перехода от патриархальной семейной общины к общине территориальной, соседской. Указанные объединения напоминают те, которые известны в Средней Азии и Казахстане под названием семейно-родственных или родовых групп и обычно интерпретируются как определенная модификация большой патриархальной семьи, возникающая в процессе ее распада.

Раздел о семье посвящен описанию взаимоотношений в корякской семье прошлого, положению женщины, разделению труда и т. п. Здесь же приводятся сведения о смешанных в национальном отношении браках, хотя, как правило, брак заключался в пределах своей локальной группы.

Характеризуя корякскую семью, В. В. Антропова отмечает, что индивидуальная семья сохраняла еще много черт парной семьи, однако это заявление, вызывающее известное недоумение (ведь индивидуальная семья появилась у коряков в результате разложения большой патриархальной семьи), автор никакими фактами не подтверждает (стр. 103).

У коряков в прошлом преобладали две формы брака — брак отработкой, а также левират и сорорат. Брак отработкой был наиболее распространенным, «отрабатывали» невесту даже пожилые и состоятельные люди; срок отработки был различен. По окончании отработки совершался обряд «хватания» невесты. После брака молодые переселялись в жилище родителей мужа.

Одним из наиболее сложных и нерешенных вопросов был вопрос о существовании в прошлом у коряков родовой организации. В рецензируемой книге автор не касается этого вопроса совершенно. Отметим, что проблема эта остается нерешенной и в отношении этнически близких к корякам чукчей.

В 1970 г. появилась работа, посвященная общественному строю народов севера Сибири, где глава об интересующих нас народах написана Ю. Б. Симченко². Он отмечает, что еще первые русские, столкнувшись с чукчами и коряками, констатировали отсутствие у них родовых объединений, вопрос этот интересовал русские власти в связи с взиманием дани. Знарок чукотского быта В. Г. Богораз не высказал определенной точки зрения на вопрос о роде у чукчей. И. С. Вдовин постарался собрать все факты, относившиеся к социальной организации у чукчей и коряков, и обратил внимание на такие институты (у чукчей), как групповой брак (товарищество по жене), кровная месть, левират и характерная (возрастная или поколенная) система родства. И. С. Вдовин допускал, что у чукчей некогда существовал материнский род, в период развития которого они попали в северные широты и стали охотниками и оленеводами (занятие мужчин). Вместе с изменениями занятий у чукчей создавались предпосылки для становления патриархальной семьи³.

Ю. Б. Симченко пишет, что у коряков оленеводство появилось раньше, чем у чукчей, и перестройка общественных отношений, следовательно, также произошла раньше. Этот и объясняется, в частности, отсутствие у коряков обычая «товарищества по жене». Л. Я. Штернберг считал, что у коряков некогда существовала турано-ганованская система родства, реликты которой сохранились в виде сорората, обычаев отработки жены и «хватания» невесты. На основании этих фактов ученый утверждал, что у коряков была родовая экзогамия, однако не первоначального, а позднейшего типа, связанная со своеобразными формами ортодоксального брака, найденного у эвенков (тунгусов)⁴.

² «Общественный строй народов Северной Сибири XVII — начала XX в.», М., 1970, стр. 313—331.

³ И. С. Вдовин, Из истории общественного строя чукчей, «Сов. этнография», 1948, № 3, стр. 61.

⁴ См. Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Азии Л., 1933, стр. 151, 155, 156.

В заключение своих рассуждений о роде чукчей и коряков Ю. Б. Симченко отмечает, что все указанные признаки вряд ли могут быть достаточно веским доказательством существовавшего некогда, но исчезнувшего рода⁵. Можно думать, что В. В. Антропова, изложив свои соображения на этот вопрос в более ранней своей работе⁶, не сочла нужным касаться ее в рецензируемой книге.

Как нам представляется, все же наличие у коряков большой патриархальной семьи может служить одним из наиболее веских признаков наличия в прошлом (вероятно, в очень отдаленном) родовой организации, а обычаи отработки и «хватания» невесты могут рассматриваться в качестве пережитков, характеризовавших переход к патрилокальности.

Переходя ко второй части монографии, хотелось бы отметить, что она заслуживает самой высокой оценки. В своей краткой рецензии мы не имеем возможности остановиться подробно на приводимом автором материале. Скажем лишь, что В. В. Антропова сумела глубоко проанализировать сложные процессы развития новых общественных отношений, становления новой культуры и быта.

В главе о развитии общественных отношений удачно показано, как происходило становление социалистической собственности, принципиально отличной от прежних форм как коллективной, так и частной собственности, бытовавших у коряков в прошлом. «Байдара и традиционные орудия морского зверобойного промысла и рыболовства, — пишет автор, — постепенно утрачивали значение основных средств производства. Первоначально они перестали играть решающую роль в общественном хозяйстве. Социалистическая собственность постепенно поглощала как общинную, так и частную» (стр. 159). Автор подметил один очень существенный момент, а именно, что в практике, на местах, старые, т. е. общинные формы производственных объединений нередко ошибочно приравнивали к новым, социалистическим.

Интересно написан раздел «Этнические процессы». Автором подмечено много любопытных подробностей о ходе этих процессов как у отдельных групп, так и у всех коряков в целом.

В главах второй части монографии автор пишет также о трудностях и ошибках, которые имели место в процессе социалистического строительства в этом районе, раскрывает причины тех или других недостатков.

Работа в целом хорошо продумана, в ней даются ясные и четкие формулировки, она не загромождена излишними рассуждениями и деталями, написана хорошим в стилистическом отношении языком, читается легко и с интересом.

Н. А. Кисляков

⁵ Общественный строй народов Северной Сибири, стр. 322.

⁶ В. В. Антропова, Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXV, 1957, стр. 131.

Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, 253 стр.

Книга Б. В. Андрианова «Древние оросительные системы Приаралья» имеет подзаголовок — «в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия», который открывает ее истинное содержание. С одной стороны, это капитальная работа по конкретной теме — истории и технике орошения определенного района Средней Азии, с другой — серьезная теоретическая работа по истории и развитию орошаемого земледелия, обобщающая материал не только по Средней Азии.

Как указывает сам автор, его задачей было «в широкой зоне аридных стран» проследить «историю возникновения и развития орошаемого земледелия, что позволило выявить ряд общих и частных закономерностей в развитии ирригации в целом и определить место ирригации Приаралья» (стр. 3). И основное положение работы сформулировано автором следующим образом: «Земледелие, представляющее фундамент древних цивилизаций в странах с недостаточным количеством осадков, было всегда связано с орошением». Эту формулировку я бы расширил, указав на то, что система орошения служила не только для земледелия, но и для животноводства, причем эти два способа добычания пищи можно рассматривать в данном случае единой формой хозяйства, не говоря уже о том, что скот обеспечивал не только земледельческие работы на полях, но также и ирригационные. Животные как тяговая сила употреблялись при насыпании дамб, подъеме воды, перевозке продуктов. Да и сам автор в третьей главе приводит следующие слова из Авесты: «...воды текут по каналам, растут насаждения для прокормления стад и людей, для прокормления стран арийских» (стр. 114). В книге же общая проблема истории орошаемого земледелия ограничена земледельческим ее аспектом. Это объясняется тем, что Хорезм рассма-